

Вера Чубченко

Фея сада Эрмитаже

Вера Чубченко

Фея сада Эрмитаж

<https://litres.ru/73815091>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Фея сада Эрмитаж» — сборник из пяти рассказов, где Москва становится не просто фоном, а живым героем, хранящим дыхание разных эпох. От 50-х годов XX века до наших дней одни и те же вечные темы: любовь, прощение, поиск своего пути и вера в чудо, которое может случиться в самом обычном дне.

Эти истории согревают и заставляют задуматься. Они напоминают, что даже в стремительном ритме большого города можно сохранить чуткость и рассмотреть красоту. Откройте сборник — и позвольте себе ненадолго замедлиться, чтобы услышать тихий голос московской магии.

В сборник вошли рассказы "Фея сада Эрмитаж" - финалист конкурса "Главная героиня" издательства "Белль Летр", "Свидетели" - финалист премии "Бархатный сезон 2025" (озвучен С. Чонишвили), "Январские розы" - призер Международного Грушинского интернет-конкурса (2026 г.), финалист конкурса "Зимняя история" (2024 г.) (озвучен Д. Ячевским), рассказы "Прощение" (озвучен С. Чонишвили) и "Декабрьская соната".

Содержание

Свидетели	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вера Чубченко

Фея сада Эрмитаж

Свидетели

Тик-так, тик-так – в квартире народной артистки СССР Лидии Николаевны Аникеевой старинные часы с боем отмеряли последние эпизоды две тысячи десятого года. Их мелодичный, немного грустный перезвон тонул в предновогодней суете, царившей на кухне.

Маша, круглолицая и розовощекая, ловко орудовала овощечисткой. Ее пальцы, привыкшие к кистям и краскам, проворно справлялись с нарезкой моркови для салата оливье. Запах свежемолотого кофе смешивался с ароматом хвои: кухонный стол украшала композиция из еловых веточек с маленькими белыми и золотистыми шарами. Это был ее новогодний подарок Лидии Николаевне. За прошедшие месяцы она успела привязаться к Даме (так про себя девушка называла хозяйку дома).

Маша приехала в столицу из небольшого городка на берегу безмятежной полноводной реки. Первое время Москва пугала ее яркостью, скоростью, шумом. Но учеба в художественном институте заполнила дни целиком. Денег постоянно не хватало: родители не могли присылать много, в

семье подрастали еще двое мальчишек. Маша подумывала устроиться на неполный день официанткой в кафе, но работа неожиданно нашла ее сама. Преподавательница по искусствоведению в разговоре о полотнах Константина Юона упомянула артистку Аникееву, владелицу двух картин художника, которая искала хорошую девушку в помощь по хозяйству. Стесняясь, Маша предложила свои услуги. Старшая дочь в семье, она уже с тринадцати лет полностью могла заменить мать на кухне, а последнее время ухаживала за старенькой прабабушкой.

В назначенный день девушка пришла в Хлебный переулок и, затаив дыхание, нажала кнопку домофона.

Дом был старым, дореволюционной постройки, с высокими потолками и большими окнами, через которые проникал мягкий свет.

Народная артистка встретила ее у дверей. Лидия Николаевна, облаченная в элегантное синее платье, приветливо улыбнулась гостье и провела девушку в единственную комнату. Прямая спина, царственная походка – в хозяйке чувствовались достоинство и выдержка. На стене висели те самые полотна, о которых рассказывала преподавательница, и с минуту гостья завороченно смотрела на зимние пейзажи. «Красота», – только и могла вымолвить она.

– Вы готовы обсудить условия работы? – раздался за спиной негромкий голос хозяйки.

– Да. Простите, я засмотрелась, – смутилась Маша.

– Неудивительно, – усмехнулась Аникеева.

Пожелания Лидии Николаевны были простыми: требовалось приходить три-четыре раза в неделю, покупать продукты и лекарства, готовить, делать влажную уборку и иногда выполнять разовые поручения. После долгого разговора место было предложено, а согласие получено к обоюдной радости.

В духовке запекалась курица, ноздри щекотал пряный аромат: майоран, базилик, мускатный орех.

– Лидия Николаевна, все готово, – показала в дверном проеме девушка.

Просторная комната, дубовый платяной шкаф с зеркалом, две картины в тяжелых подрамниках, книжные полки – здесь обитала история. И Маше это нравилось. Красная герань на окне оживляла пространство и тянулась к тусклому зимнему свету.

За год работы у Аникеевой Маша заметила, что в любом возрасте есть очарование и красота. Это открытие поразило ее. Прабабушка, ровесница хозяйки, смотрелась древней старушкой. Соседство в одном предложении имени Аникеевой и слова «старушка» было невозможно. Хозяйка – величественная Дама парила над обыденностью и бытом, как персонажи картины Шагала «Над городом». Лидия Николаевна жила в своем, особенном мире, где царило творчество.

Она принимала у себя молодых актеров и актрис, что-то разбирала с ними, ее мнение ценили. Иногда во время этих бесед слышался звонкий смех Дамы.

– Маша, накройте в комнате, будем праздновать.

Стол украсился нарядной льняной скатертью с вышивкой ришелье, фарфоровым сервизом, изящными фужерами.

После того, как торт «Прага» был разрезан, а от кофе осталась только гуща на доньшках чашек, Лидия Николаевна медленно поднялась со стула и достала из шкафа коробочку.

– У меня для вас тоже будет подарок. Это вещь с историей. Скоро вы все узнаете, – с заговорщической улыбкой добавила Дама, – устраивайтесь поудобнее.

Аникеева приоткрыла коробочку и поставила ее на стол. Внутри тускло сверкнули металлические запонки.

«Рассказовские субботы», конечно, не конкурировали со знаменитым литературным салоном Лили Юрьевны Брик, но имели своих приверженцев. Публика в просторной квартире собиралась самая разношерстная. Разнообразие это происходило из несходства профессиональной деятельности супругов: Галина Егоровна служила в театре актрисой, Александр Петрович тоже служил – в штабе Московского военного округа. Так актеры, режиссеры, композиторы соседствовали у Рассказовых с полковниками, майорами, лейтенантами. Обе категории почитали за честь получить приглашение

на «субботу», которая проходила не чаще раза в месяц. Лидия попала к ним случайно: делила одну гримерку с Галиной Рассказовой. Первое время та присматривалась к молодой актрисе, а месяца через три-четыре последовало приглашение. С тех пор уже почти год Лидия Аникеева была украшением «рассказовских суббот».

Те гости, которые приходили пораньше, вовлекались в процесс приготовления застолья: сдвигали столы – кухонный, письменный, столовый – в неровную конструкцию, которая покрывалась скатертями; собирали по соседям недостающие стулья, тарелки и столовые приборы. А чай пили из фарфоровых чашечек, очень тоненьких и изящных. Каждый раз Лидия опасалась ненароком разбить одну из них.

– Лидия, позволь тебе представить – большой друг нашего театра, полковник Шалимов.

– Яков? – рассмеялась девушка.

– Евгений, – с некоторым недоумением ответил тот.

Полковнику было слегка за сорок, но определить это можно было разве что по легким морщинкам в уголках глаз. Он сохранил стройную фигуру и безукоризненную выправку, да и седых волос в темно-русой шевелюре не было заметно.

– Евгений Семенович, Лидия у нас такая озорница, сейчас как раз репетирует «Дачников». Вы уж не сердчайте.

– А! Понятно, – Шалимов дружелюбно улыбнулся. Да и

возможно ли было сердиться на эту девушку, в которой бушевала сила и красота жизни?

– Приятно познакомиться, – бросила Лидия и скрылась, увлекаемая высоким молодым человеком.

А потом она танцевала. Живое лицо выражало гамму эмоций. Каштановые волосы покачивались в такт плавным движениям. Изумрудное платье переливалось на свету. Ни малейшего кокетства, только легкость и грациозность. Она не только легко вальсировала, но казалась самой музыкой, которой был наполнен воздух квартиры Рассказовых. Шорохи застольных разговоров не разрушали очарования момента. Евгений Семенович невольно улыбался, наблюдая за Лидией.

– Аникеева не только талантлива, но и умна. Не дай себя обмануть видимой легкомысленностью. Она стремится проникнуть в суть вещей и характеров. Немногие актеры могут похвалиться подобной глубиной, – шепнула ему на ухо Галина Рассказова.

Хозяйка с тщеславным удовольствием отмечала восхищение Шалимова ее молодой коллегой. Галина знала, что Лидия будет пользоваться успехом не только у притких лейтенантиков, с одним из которых сейчас вальсировала. Рассказовой всегда удавалось найти «бриллианты» для ее суббот.

Захлопали двери: это гости по двое, по трое выходили из гостеприимного дома в ночную стужу. Настало время прощаться с хозяевами. Молодые люди, которые лихо отплясывали с Аникеевой еще час назад, разбежались. Видимо, придется возвращаться домой в одиночестве. Эта мысль не вызвала страха у Лидии, хотя дорога занимала не менее получаса. Но возвращаясь со спектаклей или из гостей, актриса обдумывала сыгранную роль или роль репетируемую. Она называла это «прогулкой с героями». Город замирал, редкие прохожие обгоняли ее и скрывались во тьме. Трамваи и троллейбусы, распрощавшись с последними пассажирами, возвращались в парки и депо. Дышалось легко и думалось легко.

Лидия уже поправляла воротник коричневого пальто, когда заметила, что в ее сторону направляется хозяйка вечера под руку с полковником Шалимовым.

– Евгений Семенович любезно согласился тебя проводить. Негоже идти одной в столь поздний час.

– Благодарю, – только и вымолвила Лидия, выпорхнув в сумрак дверного пролета.

Под ногами похрустывал свежий снежок. Две фигуры наносили следы на нетронутый холст улицы. Шли рядом, почти незнакомые, но уже не чужие.

С улицы Станкевича свернули на улицу Горького.

– А теперь налево, на бульвар. Мне в Плотников переулок, это рядом с Арбатом. Снимаю комнатку у одной вдовы. По-

мещение светлое и теплое, хотя невелико. А что мне еще надо, все равно целыми днями в театре пропадаю. Во время учебы в Щепке жили с девчонками в общежитии. Весело, но очень шумно. Шум меня тяготил.

– Возьмите мой шарф, вы же замерзнете! – Евгений Семенович потянулся было к горлу, но Лидия его остановила.

– Благодарю, но не стоит, право. Мне не холодно.

Еще несколько минут они двигались молча.

– Вы из Москвы? – неожиданно спросила она.

– Да. А вы?

– Я из Тулы. Мои родные живут там.

– Во время войны вы были в эвакуации?

– Что вы! У мамы даже в мыслях не было оставить отца: он работал на Тульском машиностроительном заводе – в то время там чинили танки и автомашины.

– И все прошли войну?

– Да, если вы имеете в виду самых близких: родители и мы с младшим братишкой остались живы. Но в семье были потери. Младший брат мамы погиб в сорок третьем, а папин дядька пропал без вести под Ленинградом. А у вас?

– У меня все погибли.

Лидии стало очень больно за этого малознакомого полковника. Никакие ее слова не могли бы послужить утешением. Оставшуюся часть пути они молчали.

В начале февраля состоялась премьера «Дачников». Публика тепло приняла спектакль. На третий показ пришел Шалимов. Полковник ждал Лидию внизу, на служебном входе, с букетом белых роз. И уже не приходилось удивляться тому, что спустя несколько минут они вновь шли вместе зимними московскими улицами по направлению к ее дому. Хлесткий влажный ветер рывками раскачивал ветви деревьев. Шапочка немного съехала набок, щеки разругал мороз, но лицо молодой актрисы выражало серьезность, даже суровость. Несмотря на огромный успех премьеры, Лидия была недовольна собой.

– Я что-то упускаю, не могу до конца понять Калерию... Это противоречивый образ. Нужно найти баланс, не скатиться в гротеск, но и не замечать сатирического невозможно...

Лидия говорила долго и громко, мрачно глядя себе под ноги. Евгений Семенович сосредоточенно шагал рядом. Потом ее запал иссяк, и возникшую тишину нарушал только глухой звук их шагов да пьяная песня вдалеке.

У Шалимова был талант – слушать и слышать другого. Заметив это во время второй встречи, с каждой новой беседой она все больше и больше убеждалась в справедливости своих наблюдений. Лидии такие люди встречались редко, среди актеров – почти никогда. С полковником было интересно молчать. А потом каким-то необъяснимым образом все ста-

новились на свои места, непонятное – прояснялось, решение находилось.

– Вы помогаете мне работать над ролью! Я дохожу до самой сути, – благодарила она Евгения Семеновича, когда в конце марта они пробирались сквозь клубящийся туманом сумрак.

– Это вы сами, Лидия. Я только вас слушаю, – отшучивался тот.

Ее зовущие и недоступные губы расплывались в задорной улыбке.

Москву оглушил май, с его дождями и грозами, распахнутыми окнами и душами, надеждами и сомнениями.

В субботу после репетиции Лидия выбежала из театра. Полы плаща развевались, как крылья, каблучки модных туфельек легко стучали по мостовой. Ровно в три должен был подойти Евгений Семенович. А он не опаздывал.

– Лида, – окликнул откуда-то со спины знакомый голос.

– Васенька, – девушка обернулась и хотела сказать, что очень торопится, но высокий парень уже заключил ее прохладную ладонь в свои горячие, пытливые карие глаза поймали ее взгляд (Васеньку все однокурсницы считали прекрасным партнером за чувствительность и способность к сопереживанию).

– Лида, Хивинский в госпитале. Ему сделали операцию

несколько дней назад. Абашин сказал. Я сразу примчался к тебе, как узнал. Поедем, съездим к Гарольду Антоновичу.

Васенька положил руку ей на плечо, увлекая в противоположную сторону. Лидия быстро оглянулась, отметила безлюдность улицы и застучала каблучками рядом с товарищем. Оставалось предположить, что Евгения Семеновича срочно вызвали на работу или возникли иные непредвиденные обстоятельства. Но это и к лучшему. Навестить Хивинского – святая обязанность после всего, что он для них сделал.

Лидия ждала Шалимова на другой день, на третий, после и ждать перестала. Порывалась спросить у Галины о его здоровье. Однажды совсем было собралась, но решила, что если бы с ним случилось серьезное, то Галина и сама известила бы ее.

В очередную «субботу» Лидия с удивлением поняла, что зазорные и громкоголосые завсегдатаи дома ее не занимают. Танцевать не хотелось. Она оборачивалась в сторону двери, прислушивалась, в глубине души надеясь, что полковник вот-вот войдет. Остро не хватало его тихого присутствия. Евгений Семенович появился через месяц.

– Вы давно не посещали театр, товарищ полковник, – укоризненно заметила Лидия. После спектакля актриса сидела за гримерным столиком и вынимала длинные сережки из ушей. Шалимов расположился поодаль, за ее спиной.

– Был в командировке. Но не думал, что вы заметили мое отсутствие, – с некоторой грустью произнес он. – У вас появился интересный провожатый.

– Провожатый? – Лидия недоумевала. – Пойдите, когда это было?

– Около месяца назад. Мы с вами уговаривались встретиться после репетиции, но вы куда-то упорхнули с кавалером.

– Ах, что вы, Евгений Семенович! Васенька – не кавалер! Он мой сокурсник. В тот день я узнала о тяжелой болезни профессора Хивинского, который подкармливал нас в студенческие годы. И мы уговорились идти его проведать. Вася все тонко чувствует, душа-человек. Он бы вам понравился!

Шалимов просветлел и улыбнулся.

Встречались нечасто: обычно на «субботах» в доме Рассказовых, иногда неторопливо прогуливались по притихшей набережной Москвы-реки после спектакля. В августе последовало приглашение в ресторан «Метрополь». Это было знаменательное событие. Шалимов заехал на служебной «Волге», чего тоже ранее не случалось. Лидия, стараясь не примять розовое платье, аккуратно села в машину. Сегодня ей предстояла роль богатой дамы. И она, Лидия Аникеева, обязательно справится! Когда полковник Шалимов со спутницей появились в огромном зале, посетители начали обра-

чиваться, а потом стали доноситься шепотки: «Красавица», «Бесспорно хороша».

Они расположились за дальним столиком и сделали заказ.

– А ведь артисткой я могла и не стать... – поймав заинтересованный взгляд Евгения Семеновича, Лидия продолжила, – нет, училась я легко, но сильно смущалась на занятиях по мастерству. Пряталась за спинами ребят, забивалась подальше, так боялась этюдов, представляете? Паника охватывала невыразимая. И такая растерянность, словно я ничего не знаю, не умею.

Евгений Семенович хотел спросить, как ей удалось преодолеть робость, но тут с их столиком поравнялись двое военных, похожих на персонажей рассказа Чехова «Толстый и тонкий». Невысокий рыхлый полковник с круглым красным лицом, покрытым крупными каплями пота, и длинный майор с какой-то вытянутой, лошадиной физиономией.

– Добрый вечер! Полковник Шалимов, вы познакомите нас со своей прелестной спутницей? – незнакомый полковник утирал потное лицо клетчатым платком.

– Лидия Аникеева, актриса театра имени Маяковского.

– Позвольте пригласить вашу даму на танец? – лошадиная физиономия майора вытянулась еще больше в ожидании ответа.

– Извините, товарищи, вынуждена отказаться. Я подвернула ногу, сегодня не танцую.

Странная парочка почти чеховских героев удалилась за

столик на другом конце зала.

– Почему вы отказались?

– Неужели надо кривить душой и соглашаться танцевать с неприятными людьми? Потому что я молода, потому что я актриса?

– Не нужно, конечно, если вам это неприятно, – успокоил ее Шалимов.

Лидия любила спорить, ярко вспыхивала, выражая свое мнение, словно собираясь дать бой оппоненту. Но Евгений Семенович всегда умиротворял бушующее море ее души.

– Жаль, что вышла такая история. И нам с вами тоже не потанцевать сегодня.

– Ничего, скоро следующая «рассказовская суббота», – беззаботно рассмеялась Лидия.

Ночь, разбавленная тусклыми огнями фонарей на центральных улицах и бульварах, чернилами разливалась по окрестным переулкам. Прощались у дверей подъезда. В кармане платья звякнули ключи.

– Вот и третий звонок, – пошутила Лидия, но уходить не торопилась.

Ее глаза требовательно ждали чего-то неповторимого, необычайного, наверное, чуда. Стало тихо и торжественно.

Шалимов склонился и легко коснулся губами девичьей щеки.

– До свидания, Лидия.

Через четыре дня пришло известие, что Шалимова переводят в Энгельс Саратовской области. Сообщила об этом Галина. И впервые молодая актриса ждала полковника около огромного здания штаба Московского военного округа.

– Евгений Семенович, – кинулась Лидия навстречу выходящему из двери военному.

Его глаза расширились, брови приподнялись, – полковник был удивлен ее появлением.

– Евгений Семенович, – повторила девушка, поравнявшись с ним, – Галина сказала, что вас переводят? – вопросительная интонация выражала надежду на то, что она или их знакомая случайно, ненароком ошиблась.

– Информация распространяется быстро... Простите, Лидия, все случилось так стремительно. Не успел вам сообщить.

– А собирались? – девушка испытующе посмотрела на него.

– Конечно, – просто ответил Шалимов.

– Когда вы уезжаете? – как-то враз поникнув, обреченно спросила она.

– В воскресенье.

– Я приду с вами проститься, – решительно заявила Анискина.

– Буду рад, – печальная улыбка тронула губы полковника.

Поезд, готовый увезти Шалимова на восток, подали ко второй платформе. Среди толпы уезжающих и провожающих девушка тщетно искала Евгения Семеновича.

– Лидия! – полковник первым заметил ее.

Одетый в штатское Шалимов выглядел непривычно: она даже не сразу узнала его в темных брюках и рубашке с расстегнутым воротом.

Аникеева пробиралась через чьи-то ноги, локти, спины. Разноцветные чемоданы, тюки, сумки затрудняли передвижение. То там, то тут мелькало ее лимонно-желтое платье. Внезапно Лидия оказалась очень близко, да и не могло быть иначе, когда вокруг суежилась и гудела сотня людей, кто-то всхлипывал и сморкался, невдалеке худощавый дедушка утирал глаза темным платком, а вихрастый парень говорил ему символически-утешающие слова. В ее облике сквозили нервное возбуждение и жажда действия. Горячие пальцы крепко сжали руку Шалимова. Казалось, что сегодня девушка нуждалась в дополнительной связи с ним.

Глаза полковника увлажнились. Строгий военный не ожидал от себя подобной сентиментальности. Слишком долго его никто не провожал и не встречал, и в глубине души этой теплоты и семейственности безмерно не хватало.

Евгений Семенович быстро обнял девушку, поцеловал разрумянившуюся от свежего воздуха и волнения щеку, взял в руку коричневый чемодан и шагнул на подножку вагона.

Лидия глотала слезы, глядя на него. От этой спины, аккуратно подстриженной головы, от всей его фигуры повеяло тоскливой бесповоротностью.

Колеса плавно покатались по рельсам, и поезд тронулся. Состав набирал скорость так тяжело, как старик, мучимый суставными болями, поэтому Лидия еще какое-то время могла идти рядом с вагоном. Шалимов стоял в коридоре, пытаясь насмотреться на нее впрок.

Она подняла руку в прощальном жесте и так и застыла на месте. Уголки губ подрагивали, но улыбка героически сияла на лице. Глаза щипало от слез. Аникеева еще долго смотрела вслед уходящему поезду, пока он не скрылся за горизонт, а потом повернулась и пошла прочь, подальше от вокзала, стараясь побороть чувство утраты. Встретятся ли они когда-нибудь снова?

Семь лет спустя

«Рассказовские субботы» сократились количеством, но не утратили душевности. В начале шестидесятых чаще собирались по праздникам. Лидия появлялась изредка.

– Ты обязательно должна встретить Новый год у нас! – убеждала Галина коллегу. Выглядела она при этом очень таинственно.

– Мне хочется побыть в тишине, – пыталась отговориться Лидия.

– Ну уж нет! Я не допущу, чтобы ты сидела одна и грустила в праздничную ночь. А кроме того, у нас будет кое-кто интересный. Для тебя интересный, – не сдавалась Рассказова. Красивое лицо актрисы с годами отяжелело, но обаяния она не утратила.

– Согласна, – вздохнула Аникеева.

Спорить не было сил. А может, Галина и права. И стоит развеяться, пошутить, потанцевать. Кого же Рассказова имела в виду под словом «интересный»? Наверное, какого-нибудь новомодного кинорежиссера.

Лидия появилась в столовой Рассказовых с опозданием. Гости еще не расселись за накрытым столом, но дамы снова-ли туда-сюда, помогали хозяйке расставлять приборы и блюда, а поодаль оживленно беседовала группа мужчин. Аникеева бросила небрежный взор в их сторону и уже было собиралась пойти на кухню, как взгляд вернулся к одному из них. Сердце дрогнуло и забилось чаще. Черный костюм, а не военная форма, затылок наполовину седой. Но это он! Он! Шалимов! Невозможно ошибиться. На негнущихся ногах она подошла к мужчинам. Первым ее заметил двухметровый Рассказов: «А вот и Лидочка. К сожалению, редко балует нас вниманием».

Несколько мужчин обернулись, но она того не заметила. Вселенная сжалась до размера одного человека. Она видела

только Евгения Семеновича. А это был действительно он.

Аникеева смотрела с изумлением и тревогой. Шалимов шагнул к ней и коснулся предплечья.

– Лидия, – ее имя из его уст звучало музыкой, – сколько лет...

Во время праздничного ужина сидели рядом, постоянно переглядывались, воодушевленно делились незначительными фразами.

Когда часы пробили двенадцать, все выпили шампанского и оживились, Шалимов проговорил совсем тихо, почти шепотом: «Предлагаю пройтись. Погода хорошая. И поговорим спокойно».

В фонарном свете искристо и счастливо сверкал снег.

– Лидия, как вы жили эти годы?

– Мои скитания по чужим углам закончились. После второго развода у меня осталась квартирка в Хлебном переулке, – она попыталась свести разговор к бытовым подробностям.

– Были ли вы счастливы?

– Я сыграла практически все, что хотела. Мой творческий путь весьма успешен. Цветы, поклонники – все как полагается. Сейчас даже в кино зовут сниматься, представляете?

– Однако есть какое-то «но»?

– В юности я думала, что любовь – это фейерверк эмоций, обжигающий вихрь страстей. Полагала, что рано или поздно

выйду замуж за актера или режиссера. Возможно, я даже говорила вам об этом семь лет назад. Мечтания сбылись, но счастья не принесли. Муж-актер любил исключительно себя, часами простаивал около зеркала – это было уморительно. Муж-режиссер любил молодых актрис, но каждые два-три года новых. Отношения с ними были мучительны: мы ссорились и мирились, бросались в объятия и так же болезненно расставались навсегда.

Лидия настолько погрузилась вглубь себя, что даже не спросила, счастлив ли полковник. И снова они шли в уютном молчании, как много лет назад. Закончился Суворовский бульвар, свернули на Поварскую, потом еще раз направо.

– А вот и мой дом, – словно очнулась Аникеева.

– Пора прощаться? – в голосе Шалимова звучала грусть.

На ее ресницах таял снег, стекая по щекам непролитыми слезами.

– Может, зайдете?

– А это удобно?

– Удобно-удобно, я живу одна.

Один лестничный пролет, другой. Тяжелая дверь на третьем этаже. Широкий коридор, где Евгению Семеновичу было предложено раздеться, и просторная кухня. Он что-то бормотал, снимая пальто, но она не слышала. Руки предательски подрагивали. Спички удалось зажечь только с третьей попытки, но зато на плите появилось яркое пятно – зе-

ленный эмалированный чайник. Чайник был предметом особой гордости хозяйки, они только начали входить в моду, сменяя алюминиевые.

Лидия включила свет и яркой бабочкой влетела в комнату, запахнула плотные портьеры на окнах, поправила игрушку на елке.

Когда она обернулась, Шалимов стоял в дверном проеме, склонив голову на бок, словно любясь. Мягкая улыбка освещала его лицо. Глаза напоминали бескрайнее майское небо.

В пару шагов она перепорхнула разделяющее их расстояние, обхватила его за талию. Каштановая головка коснулась крепкого плеча. Сколько они так простояли – неизвестно.

– Лидия, – голос Евгения Семеновича звучал непривычно растеряно.

– Да, – она подняла голову. Ее распахнутые глаза встретилась с его усталыми, но счастливыми глазами.

Тонкие губы приблизились и накрыли ее губы. Шалимов целовал бережно, словно великую драгоценность. Ее еще никогда так не целовали. Сердце разрывалось от счастья. Полковник нежно касался плеч, лопаток, а Лидия вынимала из манжет белой рубашки запонки с монограммой «Е». Высвобожденные кружочки с глухим стуком упали на край стола. Шалимов повернул ее лицом к себе и до утра уже не отпускал.

Она проснулась от шума на кухне и запаха омлета.

– Вставайте, соня, уже десять часов. Завтрак на столе.

– Вы умеете готовить? – оторопело спросила Лидия.

– А вы подозреваете у меня наличие домработницы? – парировал Шалимов. Рукава рубашки были закатаны до локтей. Он ловко орудовал на кухне. Не высокий и не низкий, ладный полковник легко вписался в пространство Лидии, как важнейшая его часть.

– Иду-иду, только умоюсь.

Аникеева зашла в ванную комнату и плеснула в лицо водой. Из зеркала на нее смотрела немного заспанная, но счастливая женщина. Так мирно и покойно было на душе.

– Я уезжаю послезавтра.

Рука, намазывавшая масло на хлеб, дернулась, нож со звоном выпал и ударил блюдце.

– Как? – задала Лидия глупейший из возможных вопросов.

– Приезжал по делам службы. Увы, нужно возвращаться.

Лидия глубоко вдохнула и попыталась взять себя в руки.

– А сегодня и завтра?

– Я полностью в вашем распоряжении. Нужно только забрать вещи у Игнатьева, – ответил Шалимов с многообещающей улыбкой.

Как жадно, как иступленно они разговаривали и смея-

лись в следующие два дня! Как неразрывно держались за руки, выходя на прогулки. Светило далекое январское солнце, под ним все белело, сияло и переливалось. На кухне пахло блинчиками, клубничным вареньем и счастьем.

Утром третьего дня Лидия проснулась рано, часов в восемь. Оглушающую тишину комнаты нарушало только ее дыхание. На столе лежала записка, придавленная двумя металлическими кружочками:

Лидия, с Новым годом!

Когда Вы проснетесь, я уже буду в поезде. Хочу, чтобы у Вас остались запонки – мои счастливые товарищи, свидетели нашей встречи спустя семь лет разлуки. Не могу позвать Вас с собой. Если райской птице обрезать хвост, она не превратится в ворону или курицу... В моем городе нет ни театров, ни других примечательных учреждений культуры, где Вы могли бы блистать, как того заслуживаете.

Спасибо Вам за радость новогодних дней! Это высшая награда, которую жизнь могла мне преподнести. Счастья и новых ролей!

Ваш Евгений Шалимов

– И вы больше не виделись с ним? – голос Маши вернул Лидию Николаевну к реальности.

– Нет, никогда. Слишком поздно я поняла, что любовь – это не иссушающий зной, а тепло, в ответ на которое распус-

кается цветок души, не цунами, а полноводная река, утоляющая жажду.

Чем дольше я живу, тем чаще возникают перед глазами наклоненная набок голова, мягкая улыбка Евгения Семеновича и новогодний нетронутый снег, по которому мы шли к нашему двухдневному счастью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.